

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

Ли́лия Николаевна, эксперты исследовательского холдинга ROMIR по итогам августовского опроса граждан пришли к выводу, что инфляция и бедность по-прежнему беспокоят российских граждан. Академический словарь русского языка толкует бедность как скудность, недостаточность средств существования; убожество, неприглядность. Неопределенные термины... Что такое бедность в научном понимании?

К сожалению, строго научного толкования нет, потому что бедность – понятие относительное, определяется применительно к тем или иным стандартам жизни. Скажем, бедность в России и США – разные понятия. Бедность в России сегодня и сто лет назад – тоже разные понятия.

Но можно ли говорить о бедности, не учитывая индивидуальные потребности человека? Допустим, два человека получают равную зарплату. Одному этих денег достаточно, чтобы оплатить квартиру, питаться и купить необходимые вещи. И он не будет считать себя бедным. Другой хочет купить еще и новые книги, пластинки, ходить на концерты и в театры, наконец, путешествовать. Но на это денег не хватает. И он будет считать себя бедным.

Субъективное восприятие человеком своего материального уровня и есть критерий, по которому он относит себя либо к бедным, либо к не бедным – скажем, к среднему классу. Богатых оставим за скобками.

Но нас интересует общественный стандарт, на который следует ориентироваться, говоря об уровне бедности в обществе. Одно дело, когда мы хотим понять, что должно гарантировать людям государство; другое – выработать условия, при которых они реализовали бы свои потенциальные возможности, а не жили с синдромом пальмы...

Синдром пальмы – это когда человек обходится малыми потребностями. Есть притча. Человек с повязкой на бедрах лежит под пальмой. Появляется чужестранец. «Что лежишь?» – «Жду, когда упадет банан». – «Лучше сорви и продай». – «Зачем?» – «Получишь деньги». – «Зачем?» – «Посадишь еще пальмы. Будет много бананов. Продашь. Получишь много денег». – «Зачем?» – «Станешь богатым – будешь лежать под пальмой». – «А я что делаю?»...

Стиль жизни и стандарты взаимосвязаны. Есть люди, которые довольствуются минимальным стандартом, и если общество не найдет некие активизирующие механизмы, чтобы эти люди посадили вторую, третью, четвертую пальму, то они и останутся лежать под пальмой, ждать, когда упадет банан.

Но ведь бедность можно охарактеризовать и в цифрах...

Можно, потому что бедность чаще всего связывают с вещественным измерением, потреблением материальных благ, оставляя за рамками права человека, уважение в семье, сообществе.

Общество формулирует границу абсолютной бедности – стандарт выживания, при котором человек не должен умереть с голоду, одеваться, чтобы не травмировать общественное мнение голым видом и не замерзнуть, – это прожиточный минимум. Люди, чей уровень потребления ниже такого стандарта, считаются бедными.

Каждая страна по-своему формулирует стандарт абсолютной бедности. Например, в России прожиточный минимум составляет 2600 рублей. Будете зарабатывать такие деньги – у вас будет холодильник, телевизор, стиральная ма-

шина, десять граммов огурца и 156 граммов колбасы в день. Стандарт, конечно, скромный. Но должна заметить, что Россия относится к странам, которые имеют высокий прожиточный минимум. Стандарт, которым пользуется Всемирный банк, составляет примерно 900 рублей – для северных стран.

Чем это объяснить?
– Там считают, что холодильник не обязателен для выживания, телевизор – тоже...

То есть во Всемирном банке считают, что человеку достаточно 2,5 литра воды в день, чтобы не умереть от обез-

Диалог о бедности

с кандидатом экономических наук, директором научных программ Независимого института социальной политики Ли́лией ОВЧАРОВОЙ.

СИНДРОМ ПАЛЬМЫ

живания, три банана – чтобы не погнубить с голоду, и тряпочка на бедра – прикрыть срам?

– Вы почти угадали... Я была на международной конференции в Тунисе. Ко мне подошел афроамериканец и эмоционально заявил: «Вы, россияне, говорите, что у вас много бедных людей. Я посмотрел по телевизору – у вас все в пальто ходят». Я спрашиваю: «А в чем ходить?» – «Бедные должны ходить в старых одеялах». В его понимании у бедного человека – даже в холодной стране! – пальто быть не должно. Формально он прав: одеяло может защитить от холода, как и пальто. Но представьте, что все наши бедные люди завтра появятся закутанными в одеяла... Кстати, для южных стран у Всемирного банка другой стандарт: 450 рублей в месяц...

Похоже, что во Всемирном банке работают прожженные циники...

– Похоже. Конечно, это эмоциональная оценка. Но россиянам трудно представить, как выжить при наших холодах завернутому в одеяло человеку, на питание которому дается 900 рублей – он либо умрет с голоду, либо замерзнет. При этом хочу заметить, что минимальная заработная плата у нас в стране 600 рублей. Поэтому, прежде чем говорить о циниках из Всемирного банка, нужно обратить внимание на наших...

Но вернемся к понятиям, определяющим бедность.

Прожиточный минимум – главный инструмент регулирования минимальной заработной платы. В 50-е годы минимальная заработная плата в Европе поднялась выше прожиточного минимума и стала расти высокими темпами. В России сегодня она составляет 20 процентов от прожиточного минимума, а в Европе подросла до 150 процентов. Там стали обсуждать, что включать в прожиточный минимум. Скажем, решали, должен ли быть в каждой семье телевизор. Стиральная машина? Телефон? И нужно ли сюда же включать ипотечный кредит? Стало ясно, что этот путь тупиковый.

Ответ лежал на поверхности: бедность – понятие относительное и зависит от неравенства. Если государство считает себя демократическим, где у всех равные политические права, то следует решать вопрос материального неравенства: когда оно растет, это сигнал к недовольству. Появилась концепция относительной бедности, которая провозгласила бедность отклонением от сложившегося в стране стандарта.

Что такое «отклонение»? Опять относительное понятие...

– Попытались его конкретизировать: предположили, что если у 50 процентов населения есть некий набор продуктов и вещей, то это и будет средним стандартом. Сначала эксперты пытались определить, что должно быть, а чего не должно быть в стандарте. Потом стали обсуждать это сообществом. Если в семье нет холодильника – это бедная семья? Появились индексы – относительные лишения, relative deprivation. Относительный стандарт бедности стал предметом политических дискуссий – политики всегда держали под контролем вопрос бедности. Стали формировать адресные программы для бедных. Надо было понять, кого включать в эти программы и на каких условиях...

Вот насколько эта проблема разнопланова и субъективна! Подход к бедности зависит от того, какие задачи мы решаем при ее рассмотрении.

Вернемся к российской действительности. Кто у нас сегодня бедный?

– Официально бедными считаются люди или домохозяйства, душевой доход которых ниже прожиточного минимума. На первый взгляд – четкое определение. Но тут мои коллеги скажут: почему доходы, а не расходы? И в случае использования этих двух критериев материальной обеспеченности одна и та же семья может показаться и бедной, и богатой. Допустим, глава семьи получает деньги, и немалые, один раз в полгода – таковы особенности его бизнеса. В месяц, когда проводились исследования домовладе-

ний, он ничего не получил. Но в то же время купил коттедж. По доходам он – бедный. По расходам – богатый. Другая ситуация: небогатому человеку полгода не платили зарплату – и вот наконец выплатили. В этом месяце, судя по доходу, он небедный человек. Но пять шестых дохода отдал за долги. Еще пример: пенсионерка и одинокая мама с ребенком. Пенсионерка имеет льготу на оплату жилищно-коммунальных услуг, льготный проездной билет. А одинокая мама с ребенком не имеет ни того, ни другого. Обе получают 2000 рублей в месяц, но жизнь у них очень разная... Доход в качестве показателя не годится, расход – более устойчивый во времени показатель.

Другая сторона проблемы: неоткуда брать информацию, на основе которой можно решать, кто бедный, а кто не бедный. Людям, принимающим управленческие решения, нужна информация буквально о каждой семье, но ее нет. Поэтому используются оценочными суждениями, результатами выборочных исследований.

А если опираться на данные Государственного комитета по статистике, которые из всех источников наиболее объективные?

– Можно, но с оговоркой, что принимаем во внимание все ресурсы, которыми располагает домашнее хозяйство, включая скрытые доходы (а у нас сегодня скрывается примерно 35 процентов заработка). В этом случае в России сегодня от 17 до 20 процентов населения располагают ресурсами ниже прожиточного минимума – 2600 рублей – по самым оптимистичным официальным оценкам. Я же считаю, что около 25 процентов населения находится ниже черты бедности.

Кто эти люди?
– Есть мнение, что пенсионеры. На самом деле, как это ни горько, самые бедные в России – семьи с детьми. Пенсионеры сегодня имеют самый низкий риск бедности. Понимаю, что это суждение вызовет у пожилых людей резко негативную реакцию, поэтому должна объяснить, что она связана с путаницей: бедность отождествляют с недостаточной жизнью, в которую их ввергло государство. Они отдали ему силы, ум, здоровье, а оно отплатило им недостойным существованием. С другой стороны, субъективные ощущения пожилых людей и объективные оценки бедности не совпадают, потому что наш прожиточный минимум исходит из бесплатных медицинских услуг. Это обман. И в первую очередь обманули пожилые люди. Они потребляют большое количество лекарств, цены на которые по сравнению с другими товарами за период реформ выросли больше всего. Да и медицинские услуги у нас давно не бесплатные. Поэтому старики тратят на эти услуги большую часть своих денег, на питание остаются крохи, вот они и считают себя бедными. Или не получают медицинских услуг, потому что дорогие, и поэтому считают себя бедными. Это пример, когда субъективное восприятие бедности отличается от официального определения.

Дети же субъективно себя бедными не воспринимают. К тому же, если они родились в бедных семьях, то принимают этот стандарт жизни за норму. Так что самая серьезная проблема в России – бедность детей. У нас огромное количество бедных детей...

Ли́лия Николаевна, опять неопределенное понятие: «огромное».

– В России лишь 40 процентов домашних хозяйств имеют детей. Каждая вторая семья с детьми – бедная! Кстати, если мы возьмем семьи одиноко проживающих пенсионеров, то бедная только каждая десятая.

У детей очень скудное питание – значит, будут проблемы со здоровьем. Они плохо одеты – и это влияет на здоровье. Но самое чудовищное то, что они привыкают к низкому стандарту жизни. И это не что иное, как воссоздание синдрома пальмы. Разрушительные процессы уже идут. Примерно в 17 процентах домашних хозяйств есть неработающие в трудоспособном возрасте, которые не только не работают, но и не ищут работу. Половина из них – женщины с детьми. Но вторая половина – молодые люди, которые не имеют детей, не работают и не собираются работать. У этих

людей синдром пальмы – следствие того, что они выросли в условиях стандарта, согласно которому усилия по включению в рынок труда гораздо выше, чем усилия ожидания падения банана...

Выходит, бедность – порок?
– С точки зрения перспективы развития общества – серьезнейший порок: бедность не увеличивает ресурсы общества, но потребляет то, что произведено другими. Если семья, вынужденная жить в условиях низкого стандарта, пытается влиять на детей – учиться, работайте, и тогда будете жить хорошо, – то дети вырастают с установками на высокий стандарт жизни. Если возобладали другой подход: есть краюшка хлеба, и хорошо, можно жить и так – тогда иждивенческие настроения превалируют. Развивается синдром пальмы. Он блокирует развитие страны, она деградирует и переходит в разряд малоразвитых.

Если бедность пожилых людей – морально-нравственная проблема, то бедность детей – серьезная социальная проблема. Закроем на это глаза – ввергнем страну в ближайшей перспективе в очень тяжелые социальные проблемы, связанные с развитием общества...

А если не закрывать глаза?

– Тогда нужно ответить на sacramentalный вопрос: что делать? Предлагают меры, которые на первый взгляд решают проблему. Например, резко повысить заработную плату и пенсии. Но ничего, кроме инфляции, это не породит. Экономика в состоянии пережить без инфляции прирост доходов населения на уровне 5-6 процентов в год. Если доходы будут расти более высокими темпами, то инфляция их съест. И все же рост оплаты труда, в первую очередь минимальной заработной платы, до уровня прожиточного минимума – это приоритет социального развития. Вопрос только в том, как быстро это делать и как это корреспондируется с остальными направлениями политики развития. Не менее сложная задача – повышение производительности труда и реструктуризация секторов с высокой долей низкооплачиваемых работников: образования, здравоохранения, сельского хозяйства, строительства и торговли.

Еще предлагают перераспределять ресурсы от богатых к бедным...

– Эта стратегия в наших условиях невыполнима.

Почему?

– В то время, когда у нас господствовала диктатура пролетариата, в Европе провозгласили диктатуру среднего класса. Там переводили в средний класс бедные слои населения, создавая тем самым стабильную политическую и экономическую основу государства и общества. И формировали общественную мораль. А мы опять хотим забрать ресурсы у богатых и передать бедным. Такое уже было: удалось передать от богатых к партийным бюрократам. История повторяется, но уже в виде фарса. Это нужно понимать и не строить иллюзий. И, кстати, не делать выводов о склонности нашей страны к коррупции. Это не склонность к коррупции, а социально неразвитое мышление: бюрократы не согласны с тем, что ресурсы перераспределяются от богатых не к ним, а к бедным. Социально развитое мышление – это мышление, осознающее, что рядом с бедными жить плохо и тяжело. Европейский средний класс понимает: чтобы покончить с маргинальным пове-

дением бедных, нужно, с одной стороны, сформулировать правила, по которым они должны жить, и с другой – за то, что они соблюдают эти правила, дать им ресурсы.

Недавно я была на конференции в Швейцарии. Это общество диктатуры благосостояния. Именно диктатуры. Благосостояние швейцарцев высокое, но правила, по которым они живут, жесткие. Попробуй нарушь правила, скажем, не вымой окна, которые выходят на улицу – ты получишь штраф. Выпусти детей, которые будут шуметь у вашей двери, но мешать и соседям – получишь штраф. Очень жесткий социальный контроль.

Вот и ответ на вопрос: почему перераспределение от богатых к бедным встречает сопротивление бюрократов: потому что у нас нет жесткого социального контроля! Но вернемся к самым обделенным россиянам – детям. Нужны, видимо, специальные программы для того, чтобы у этих детей не развился синдром пальмы?

– Строя рыночную экономику, мы ориентируемся на зарубежный опыт. Но большинство наших попыток его повторить кончаются неудачами. Думаю, это связано с тем, что мы смотрим на развитые страны в их нынешнем виде, а нужно обратиться к периоду их развития в 50-60-е годы – тому уровню, которому мы в большей степени соответствуем. Если взглянем туда, то обнаружим зарождение практики социальных контрактов, когда государство предлагает общественные работы, которые не приносят серьезного прироста ВВП, но общественно необходимы и дают возможность людям зарабатывать. Социальный контракт может и не предполагать обязательного участия в общественных работах, например, если речь идет о вдове с двумя маленькими детьми, но условиями такого контракта могут стать обязательства по воспитанию детей. Программы общественных работ и социальных контрактов – это то, что может помочь семьям с детьми.

Помощь же в виде пособий и дотаций без определенных обязательств со стороны получателей мне представляется менее эффективной, более того, провоцирующей вышеупомянутый синдром: проще и дешевле дать банан, чем стимулировать желание посадить и вырастить пальму. Это действительно дешевле. Но здесь – дороже. Потому что интегрирование неработающих и тех, кто не ищет работу, в рынок труда по социальным издержкам сопоставимо с интегрированием детей-сирот в чужие семьи. Сложнейшая социальная задача, которая не решается тем, что тебе дадут работать место и место за партой, и ты будешь работать и учиться. Здесь, как говорится, нужно водить за ручку и на учебу, и на работу. Нужно сформулировать жесткие правила доступа к ресурсу. Это серьезные социальные-реабилитационные программы. Кстати, у нас нет ни таких программ, ни специалистов по программам. Мы все еще говорим об адресном пособии, которое нужно раздать и тем самым осчастливить бедных. Такая задача пособий могла быть эффективной в первые годы перестройки системы, когда люди столкнулись с резким падением уровня жизни и не очень понимали произошедшие изменения. Однако приоритеты были другие – формирование рыночных институтов и сокращение социальных программ, в результате проявился эффект «застойной бедности». И мы видим его в основном в семьях с детьми.

Еще раз повторю: на фоне «застойной бедности» адресные программы для бедных – сложная социальная и экономическая задача. Анализ показывает: в течение первых трех лет потерявшие работу активно ищут ее; через три года приоритеты этих людей начинают смещаться в сторону экономики – у них появляется установка: легче не работу искать, а экономить ресурсы. Это стратегия деградации. Через семь лет пропадает потребность трудиться. Сформировался синдром пальмы...

Разговор, как и следовало ожидать, вышел грустным и еще раз убедил меня, что бедность – болезнь.

– Болезнь. Особенно когда носит затяжной характер. В России уже около 7 процентов населения охвачено этой болезнью. Есть, конечно, личности, которые способны преодолеть любые барьеры. Но таких эффективных людей ограниченный круг – не более 10 процентов в любом обществе. Качество же общества оценивается по тем, кто идет следом, – они обеспечивают его развитие...

С 1992 года – точки отсчета социального-экономического катастрофы – прошло 13 лет. Под пальмой уже родились дети...

Леонид ГОВЗМАН